

**Из записи Ю.М.Батурина об очередной встрече руководителей делегаций республик
в Ново-Огареве. 23 июля 1991**

«Вторник, 23 июля – день был душный, и время от времени припускал дождь. Начиная с половины второго зашуршали шины автомашин – от бронированных ЗИЛов до стандартных черных “Волг” и даже микроавтобуса, правда, довольно симпатичного. Они подвозили в Ново-Огарево лидеров республик, которые на это совещание уже прибыли в новом качестве – руководителей полномочных делегаций. По этому поводу, открывая встречу, М.С.Горбачев пошутил, дескать, новое качество руководителей должно бы повлечь и другое качество работы, а соответственно, и результатов. Приехали также Лукьянов, Лаптев, Нишанов, Павлов, Язов, Бессмертных, Щербаков.

Как обычно, на пять минут в зал допустили прессу, затем наиболее стойкие отправились коротать время в маленькую ново-огаревскую гостиницу, дожидаясь вечернего перерыва и традиционной уже ночной пресс-конференции Президента.

Задача дня – решить пять вопросов, по которым были существенные замечания и предложения республик: членство в Союзе, союзный бюджет и налоги, собственность, Верховный Совет, Конституционный суд.

Всем участникам заранее были направлены специально подготовленные материалы: текст Договора с предложениями по возможному учету поправок, а также справочные материалы по практике формирования бюджета и функционирования системы в зарубежных федеративных государствах, справка по банковским системам и юридический анализ проекта, сделанный специалистами Комитета конституционного надзора СССР.

Президент СССР сделал краткий обзор замечаний и предложений, поступивших из республик, и сказал:

– Во-первых, я вижу, у нас проявилась одна тенденция: вот мы говорим – и, вроде, договариваемся, а расходимся – и начинаем размывать то, о чем уже договорились. Или же кто-то не высказывается откровенно и до конца. Сейчас пришло время полной ясности, и я прошу всех занимать какую-то позицию и четко ее обозначать. Я прошу также пойти навстречу друг другу и позиции эти согласовать. Если мы не придем к согласию в отношении Договора, разрушится и то согласие, которое с таким трудом найдено.

Во-вторых, мы должны подтвердить свою приверженность Союзу Суверенных Государств как федерации. Попытки товарищей подогнать проект под, скажем так, дохлую федерацию, дорого обойдутся стране.

В-третьих, конструируя этот Договор, нам надо иметь в виду, прежде всего, судьбу Российской Федерации. Ее судьба в значительной мере определяет будущее Союза. Поэтому я еще раз повторяю: не может быть двух стандартов, прочная Российская Федерация основа прочной союзной федерации. Я вижу, как товарищи в России переживают, что получится с РСФСР, и как они все делают, чтобы эта федерация была живой, функционирующей, а власть реальной. Я это поддерживаю. Но хочу, чтобы и Россия четко и без оглядки поддерживала бы союзную федерацию.

В-четвертых, я прошу все союзные республики дать возможность реализовать в договоре то, что влечет суверенизация бывших автономий. Но точно также автономии я прошу понять, что такое Российская Федерация. Нам нужно найти гармоничное решение.

Я не знаю, товарищи, до вас доходит или нет, но я уже чувствую опасные тенденции. Нам нужно быстрее завершить с Договором. Быстрее!..

Президент спешит. Мгновение спустя возникнет ситуация, когда ему придется выбирать между юридическим качеством Договора и политической необходимостью. Он понимает, что редакционные формулировки, предложенные, например, членами Комитета конституционного надзора, значительно точнее, чем вырабатываемые и обсуждаемые на слух государственными деятелями, пусть и крупными, но в дискуссиях своих не

выходящими за уровень студенческого семинара по основам права. Формулировки, по которым перелетные птицы, допустим, отправившись из Средней Азии в российские широты, совершают незаконное отчуждение собственности одной суверенной республики в пользу другой. Он понимает, но... Итак...

– Михаил Сергеевич, я хотел бы просто задать один вопрос, – голос Каримова выражает неподдельное возмущение, и все заинтересованные слушают, потому что непонятно, куда он свернет, – ведь дискуссии еще не было. – Мы в этом самом зале 17-го числа договорились и приняли за основу документ, который был за Вашей подписью разослан в республики. А что сейчас происходит? Откуда появился документ, который нам потом прислали для сегодняшнего обсуждения?

– Как откуда? – удивился Горбачев. Удивился, потому что схема подготовки и обсуждения была в точности, что и прежде: сначала согласованный текст, затем обобщение поступивших от республик замечаний, наконец, текст для обсуждения с подчеркнутыми предложенными изменениями и вариантами. Иначе обсудить за день несколько сотен замечаний, в принципе, невозможно, да и нелепо тратить время политиков на техническую, пусть и юридико-техническую работу.

– Как откуда. Ты же помнишь – мне лично поручили, как всегда учесть замечания и послать вам...

– Если так, Михаил Сергеевич, извините, я должен прямо Вам сказать. Мы здесь в прошлый раз битый час спорили по каждой строчке, сделали документ, который сблизил нас. А сейчас появился новый... Я не хочу углубляться в конкретные пункты, но вот убедитесь, у меня здесь красными чернилами отмечено то, чего нет в замечаниях республик. И поэтому я предлагаю этот текст отложить, а взять вариант 17-го числа.

– Ну, хорошо, хорошо... Давайте отложим все, что есть у нас и вернемся к варианту 17-го числа.

Так первым же ходом Каримов поставил “фигуры” республик в активную позицию, а “центр” в лице Горбачева, Комитета конституционного надзора, экспертов и других – в позицию слушающихся. И одновременно тем же самым ходом были проиграны десятки предложений республик, которые были учтены в отброшенном варианте, но до которых ни сегодня, 23 июля, ни позже, никогда уже не дойдут руки. Проиграно было и юридическое качество проекта. В этом смысле шутка Горбачева оказалась вещью (или зловещей, поскольку он-то имел в виду совсем другое).

– Ну, что ж, начнем. Только – внимание, никаких периферийных дебатов.

Выступает Завгаев:

– Мы говорили: максимум прав союзным республикам. Может, это и правильно. Нужны сильные республики. Но нам прежде всего нужен сильный Союз, федеративное государство. Мы идем к рынку, намереемся вписаться в мировой хозяйственный комплекс. Как же мы будем вписываться с аморфным союзным государством, которое сильные республики раскачивают, как хотят?

Теперь в отношении Российской Федерации. Двумя руками мы все “за”. Мы – убежденные россияне и никогда не допустим развала Российской Федерации. Но надо, чтобы она была действительно федерацией, а не такой, как задумано в проекте так называемого федеративного договора, подготовленного в парламенте России. Там говорится о разделении полномочий, но и речи нет о федерации.

Тему подхватывает Николаев:

– Бывшие автономные республики без всякой подсказки высказались за сохранение Российского государства еще год назад. И мне непонятно, почему Вы, Михаил Сергеевич, за два-три последних заседания постоянно напоминаете об этом. Российская Федерация была, есть и будет. Но вот, как регулируются отношения между государствами, одно из которых входит в состав другого? В проекте записано: “...регулируются

договорами между ними и Конституцией государства, в которое оно входит”. Вторая часть здесь имеет двойной смысл – какого государства. Я, например, трактую, что – Союза. В этом случае мы согласны.

Сейчас разгорится спор, который займет ближайшие несколько часов. Если бы читатель попытался проследить за его реальным течением, то, во-первых, от цикличной повторяемости ходов у него довольно быстро голова бы пошла кругом, а, во-вторых, местами он производил бы впечатление запредельного, метафизического (“А что нам скажет академик Кудрявцев?” “Я думаю, Михаил Сергеевич, что Вам важно достигнуть согласия на любом варианте. От того, что переставить слова ничего не изменится. Для полномочий это не имеет значения, важнее конечный результат. А конечный результат – это два вида документов – Конституция и Договор. Записать же можно в любом порядке”). Хотя знатоки политических хитросплетений видят за юридическими текстами много такого, о чем непосвященные и не догадываются (М.С.Горбачев: “Мы имеем дело с величайшей, с тончайшей материей и очень противоречивой ситуацией. И ее не так просто объять простой и ясной формулой. В одном случае – одни опасности, в другом – другие, а в третьем – еще что-то. И задача – найти такую формулу, в которой все опасности были бы сняты”). Чтобы этой головоломной ситуации читатель не заблудился бы в трех соснах, изобразим всю дипломатическую расстановку в виде схемы.

Ситуация такова. Есть три государства (или три вида государств): Союз; государство, образующее Союз и входящее в него непосредственно (прежде обозначаемое термином “союзная республика”); государство, образующее Союз, но входящее в него в составе другого государства (бывшая автономная республика в союзной республике).

Вопрос: как должны регулироваться отношения между бывшей автономией и республикой, в состав которой она входит?

Возможные способы: договор (соглашение); конституция республики (бывшей автономии); конституция республики, в состав которой входит бывшая автономия; Конституция СССР.

Необходимость специального договора или соглашения никем не отрицалась. Спор крутился вокруг трех возможных сочетаний (“трех сосен” в нашей терминологии). “Сосна № 1”: договор (соглашение) + конституция республики, в состав которой входит бывшая автономия. “Сосна № 2”: договор (соглашение) = конституции обеих республик = Конституция СССР. “Сосна № 3”: Договор (соглашение) = Конституция СССР.

Итак, как помним, Николаев по-своему истолковал нечеткую формулировку проекта – “...договорами между ними и конституцией государства, в которое она входит” – и сделал выбор между “сосной № 1” и “сосной № 3” в пользу третьей.

Ход первый: “сосна № 1” – “сосна № 3” (здесь и далее нумерация, естественно, автора). Ход второй делает Галазов: он предлагает обрубить сосну, договоры и соглашения, а, уж, если нельзя обойтись без конституций, то назвать Конституцию СССР – “сосна № 3”. Ход третий за Рахимовым: поддержать № 3.

Внимание! Ельцин – четвертый ход: “По этому вопросу мы не договорились”, – и настаивает на № 1.

Пятым ходом Каримов косвенно поддерживает Ельцина: “Конституцию СССР нельзя записывать – это сильно ограничивает самостоятельность союзной республики”, – № 3 отвергнут. Нишанов – шестой ход: поддерживает усеченную формулировку Галазова (второй ход) отвергнуты № 1 и № 3.

Первый тур столкновения № 1 и № 3 заканчивается безрезультатно. Второй тур открывает М.С.Горбачев – ход седьмой:

– Я вижу у некоторых товарищей аллергия на Союз, но не надо ее так уж выплескивать. Речь идет о документе, который должен стать базой

обновленной федерации. Поэтому не стоит тут демонстрировать пренебрежение к союзной Конституции. Конституция после договора будет обязательно, потому что все, кого представляют здесь присутствующие (кроме Армении), высказались за федерацию. Поэтому мы должны реализовывать ее в четких формулах. И не тянуть одеяло в сторону, противоположную волеизъявлению народа. Вы знаете, что я сторонник резкого ухода от унитаризма, чтобы был кислород для свободы. Но это не значит, что надо впадать в другую крайность. И так нынешний проект поносят за то, что он разваливает страну. Но мне кажется, проект как раз отличается тем, что найдена предельная степень свободы, дальше которой распад. Поэтому пренебрежение к Конституции СССР недопустимо! – подготовлен плацдарм для выхода на № 3.

Путь перекрывает Плющ: “...И к конституциям республик!..” Этот восьмой ход он аргументирует энергично, но абсурдно: “...потому что конституция – документ, признающийся международным, это носитель международного права, а договоры и соглашения международными не признаются”.

Несколько озадаченные руководители полномочных делегаций не возражают и не поддерживают его. Воспользовавшись паузой, девятый ход делает Ельцин: “...Конституцией государства, в которое оно входит, и Конституцией СССР”, – соединение вариантов № 1 и № 3. Но такая ситуация не устраивает бывшие российские автономии, и Рахимов десятым ходом – очень резким демаршем – отвергает новый вариант Ельцина:

– Так, Михаил Сергеевич, мы сегодня ни один вопрос не решим. Многие из здесь сидящих действительно хотят развалить Союз. Почему мы уважаем действительно выстраданные декларации о суверенитете, принятые в союзных республиках, но декларациям, принятым бывшими автономиями, отказывают в уважении? Зачем мы тогда собираемся? Зачем в кошки-мышки играем? Пусть тогда “девятка” остается здесь и решает свои вопросы. Тем более, что кое-кто считает

унизительным сидеть с нами за одним столом. Особенно это проявляется со стороны делегации...

На этом месте Горбачев вежливо прерывает его, понимая, что может последовать за подобными обвинениями:

– Не надо нам в таких тонах, товарищ Рахимов. Реформирование Союза – дело крайне сложное. Было у нас унитарное государство, а мы хотим создать такое, что не разберешься: кто с кем будет иметь дело, кто кому подчиняется и так далее. Личностные моменты, чьи-то амбиции могут выиграть... Это недопустимо, ведь речь идет о судьбе государства. Степанов, пожалуйста. Затем товарищ Леонтьев.

Одиннадцатый ход. Впервые дискуссия вырывается из плоскости колебания между первой и третьей “соснами”. Степанов четко формулирует № 2.

Двенадцатый ход делает сам Горбачев: “Я лично против упоминания всех конституций не возражаю. Я бы это поддержал”. Раздается хор голосов: “Правильно!.. Давайте такой вариант... Все «за»...”

Победу, однако, торжествовать рано. Ельцин в споры не вступает, говорит коротко, но подбрасывает свои формулировки в тактически правильно выбранные моменты. Ключевой ход второго тура за ним. Как и положено тринадцатому ходу, он взрывает почти достигнутое согласие: “Лучше все-таки, если отношения регулируются договорами, без всяких конституций”. Все три “сосны” оказываются “спиленными” почти под корень – остаются одни “пеньки”. Голоса: “Правильно! Очень хорошо! Давайте поддержим...”

Четырнадцатым ходом в дипломатическую игру вступает долго молчавший Лукьянов и... берет сторону Ельцина.

Пятнадцатый ход. Зотин: “Борис Николаевич очень хорошо сказал. Надо поддержать”.

Шестнадцатый. Степанов: “Поддерживаем предложение Бориса Николаевича”.

В принципе такая формула не слишком устраивает Ельцина, который жертвой качества подрубил вариант Горбачева. Но еще больше она не устраивает Горбачева, стремящегося к утверждению в качестве мощного инструмента Конституции СССР. Поэтому именно он открывает третий тур борьбы. К тому же если Ельцину нужен вариант № 1, то Горбачева устраивают как № 2, так и № 3. У него шире поле для маневра. Итак, ход семнадцатый:

– Подождите, подождите, не торопитесь... На основе Союзного договора будет новая Конституция. В республиках тоже. Поэтому чтобы полнее и точнее охватить все нюансы нашей сложной страны, лучше говорить о договорах, о конституции республик и о Конституции Союза.

Как обычно, раздаются голоса и в поддержку варианта № 2. Но Горбачеву этого совершенно недостаточно. Он пытается убедить Ельцина:

– Борис Николаевич, раз уж мы создаем Союз, а Конституция так или иначе должна найти отражение.

Ельцин молчит. При желании молчание можно расценить как знак согласия. Президент еще раз повторяет формулировку № 2. Немедленно следует восемнадцатый ход. Автор Лукьянов. На этот раз он поддерживает Горбачева: “Вот с этим и согласиться. Да!”

Девятнадцатый ход Муталибова («Поддерживаю формулу!») казалось бы укрепляет позицию Президента, но Муталибов делает неожиданный пас в сторону:

– Наши правоведы так охарактеризовали ситуацию. Договоры и соглашения характерны были для Российской Федерации в период ее рождения. А другие республики типа нашей – унитарные государства, они руководствуются своими конституциями. И тут возникает противоречие, которое заложено в праве республик, образующих Союз, самостоятельно определять свое национально-территориальное устройство. Где же эта самостоятельность? Она будет наткаться на конституции тех, кто входит в ее состав. Что мы делаем? Сегодня мы

здесь сидим, а завтра нас не будет. И те, кто придет после нас, нас же и проклянут, потому что мы Союз 22-го года ухудшаем.

Пас принимает Каримов и двадцатым ходом уводит разговор еще дальше: “Интересно, а почему среди нас не присутствуют четыре новые, недавно образованные республики?”

– Вы что, предлагаете отложить нашу сегодняшнюю работу? – Горбачев пытается своим любимым приемом сбить противника с мысли и затем вырулить на нужное направление.

– Я просто говорю, что новые субъекты могут появляться до бесконечности...

– Конечно, конечно. Но Договор наш открытый, и всякий может присоединиться...

– Такая позиция вызовет цепную реакцию в каждой республике, И извините меня, ответьте на вопрос: предел этому будет?

– Ну, это жизнь покажет, – звучит чья-то реплика.

Уже видно, что разговор вышел из русла спора и превращается в свободный поток сознания: будущие поколения, Отечество, двойной стандарт, совещание экспертов СБСЕ в Женеве, бунт на корабле...

Положение спас Ардзинба двадцать первым ходом – криком отчаяния: “Пожалуйста, давайте продвигаться вперед. Примите одну из формул, которая вас больше устраивает, и пойдём дальше, Я обращаюсь с большой просьбой. Любой вариант. Столько их предлагали – ни один не подходит. Так не бывает, поймите...”

И третий тур закончился ничем: любой вариант – значит никакого. Кто начнет следующий? Опять новая, еще не делавшая ходов фигура, причем очень сильная. Назарбаев, двадцать второй ход:

– Мы прошлый раз обсудили проект. И повезли его на парламенты республик. Парламенты вынесли свои постановления. А сейчас мы друг другу выламываем руки. Как я могу изменить решение Верховного Совета? – Далее следует краткая речь о позиции Казахстана,

о том, сколько они шли на компромиссы, о сохранении России, о формуле подписания Договора и вдруг крутой вираж. – В конце концов, если Россия и другие республики, где есть автономии, согласны, можно было бы принять предложение: “...регулируются договорами или соглашениями и Конституцией СССР”.

“Сосна” № 3! Горбачев мягко, чтобы не сглазить:

– Это ваш Союз. Как запишете...

Напрасные надежды. Назарбаев увлечен собственным рассуждением:

– Но одно государство входит в другое, и то, другое – в Союз. Тогда мы должны и в отношении Союза записать точно так же. Давайте логически доведем мысль до конца. Раз соглашениями, то давайте и с Союзом – соглашениями. И точка, больше ничего.

Усеченный вариант – “пеньки”. Президент упорно пытается вернуться на полхода назад, к столь стремительно промелькнувшему третьему варианту или хотя бы второму: “Объективная политическая материя, с которой мы имеем дело, очень противоречива. И развязать все эти противоречия – искусство. Я готов Конституцию СССР записать или все конституции перечислить – как считаете нужным...”

Его перебивают несколько голосов и двадцать третьим ходом возвращают переговоры к тринадцатому ходу Ельцина:

– Давайте, как Борис Николаевич согласился: договорами и соглашениями. И точка.

“Пеньки”, опять “пеньки”... Только что к ним привел дело Назарбаев. Но здесь согласия ждать нечего:

– Борис Николаевич-то соглашается. Не соглашаются Аяз Ниязович (Муталибов) и другие.

– Тогда можно так: договорами и соглашениями, не противоречащими Конституции СССР.

– Это совсем плохо, – начавший четвертый тур Назарбаев его же и заканчивает. Безрезультатно.

Следующий, пятый тур начинает опытный боец – Лукьянов. Его двадцать четвертый ход, если учесть некоторую юридическую схоластичность спора, прост до гениальности: “Надо прислушаться к тому, что здесь говорилось и Аязом Ниязовичем, и Борисом Николаевичем. А что если записать так: “...регулируются их конституциями, Конституцией Союза, соответствующими договорами и соглашениями”?”

Своим приемом “перевернутая сосна” он добился того, что теперь усекать их до “пеньков” стало трудно.

– Такой вариант мы уже обсуждали, – не сразу уяснил идею Горбачев.

– Но это дает шанс на то, что, может быть, и не потребуется заключать никаких договоров и соглашений.

– Ты уловил, Нурсултан Абишевич? – мгновенно подхватывает Горбачев. – Во главу угла ставятся конституции. Борис Николаевич! Конституция действует, от нее не уйдешь, а все остальное – уже после нее.

Но Назарбаев и Ельцин молчат, видимо, напряженно просчитывая, что же повлечет за собой этот казуистический поворот, наверное же, не напрасно сделанный поднаторевшим в парламентских юридических лабиринтах доктором государственного права. Остальные тоже притихли. Некоторое время Горбачев вынужден перебрасываться короткими репликами с Лукьяновым, пока не созрел для хода, уже двадцать пятого. Багров: “Мне кажется, что предложение Анатолия Ивановича очень удачное. Я, по крайней мере, его поддерживаю”.

К сожалению, в перевернутом состоянии “сосна № 2” еще менее устойчива, чем в нормальном. Назарбаев, кажется, решил проверить лукьяновский вариант на предыдущем своем логическом построении, но опрокинутая формула не поддавалась. Горбачев обратился к своему советнику академику Кудрявцеву, – и тот подтвердил, что предложение Лукьянова вполне приемлемо (как, впрочем, и любое другое). Многие

наперебой стали выступать за формулу председателя Верховного Совета СССР. Но Назарбаева внутренняя логика уже увела к теме сильного федеративного государства. И, может быть, еще удалось бы вернуться к нашим “соснам”, но что-то внезапно обидело Рахимова:

– Михаил Сергеевич, вот опять проявляется неуважительное отношение... Нурсултан Абишевич сказал, что автономии разваливают Союз и Россию. Я совершенно с этим...

– Я не употреблял такого выражения, – возмутился Назарбаев.

Все. Хотя Горбачеву и удалось успокоить страсти, но дело приходилось начинать сначала.

Шестой тур открыл Каримов. Его двадцать шестой ход был поначалу неясен:

– Мы сейчас, Михаил Сергеевич, ищем компромисс. Но давайте тогда посмотрим на проблему с двух сторон. Можно как угодно здесь записать, но давайте определимся. Есть республики, в которые входят, и есть республики входящие. То есть вбирающие и входящие республики, извините за выражение, чтобы опять никто не оскорбился. Эти два понятия чествуют – куда уйдешь от реальности? Но давайте признаем тогда приоритет республики, что вбирает в себя другую... Я прошу товарища Рахимова не возбуждаться. Мы с товарищем Назарбаевым Вас особенно уважаем, имейте в виду. У нас с Вами дружеские отношения, и не надо оскорбляться. Что такое Договор? Это делегирование полномочий Союзу. И Российская Федерация, заключая Договор, нисколько себя не ослабляет. То же самое и для бывших автономий. Поэтому настоятельно прошу Вас или остановиться на договорах и соглашениях или согласиться с предложением Лукьянова. Ладно, Михаил Сергеевич, я против себя пойду – давайте оставим договоры и соглашения плюс Конституция СССР!

Тройная “вилка” для начала – есть где развернуться, знакомые “пеньки”, лукьяновский перевертыш и классический № 3. Два последних варианта устраивают Президента. Нет недостатка и в возгласах:

“Правильно! Принимаем!” Назарбаев задумчиво повторяет вслед за Каримовым: “...соглашениями и Конституцией СССР”. При желании можно расценить как выбор, сделанный из трех возможностей. В надежде сохранить наметившийся консенсус Горбачев объявляет перерыв на 10 минут».

Demokratizatsia Демократизация. The Journal of Post-Soviet Democratization, volume II, number 2, Spring 1994, p. 212-221.